

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)
К51

Cassandra Clare

THE DARK ARTIFICES

Book III

Queen of Air and Darkness

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA*

Клэр, Кассандра.

К51 Темные искусства. Книга III. Королева воздуха и тьмы / К. Клэр; пер. с англ. А. Осипова. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 864 с. — (Миры Кассандры Клэр)

ISBN 978-5-17-118941-9

На ступенях Зала Совета пролилась невинная кровь. Страшная болезнь уничтожает магов. Джулиан и Эмма пытаются противостоять своей запретной любви. Отправившись с опасным заданием в земли фэйри, они обнаруживают там нечто ужасное, и теперь им придется обогнать само время, чтобы не позволить проклятию парабатаев уничтожить весь мир.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-118941-9

Copyright © 2018 Cassandra Clare, LLC,
design by Alice Duke

© А. Осипов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Посвящается Саре.
Она сама знает, что сделала.*

*Здесь Смерть себе воздвигла трон,
Здесь город, призрачный, как сон,
Стоит в уединенье странном,
Вдали на Западе туманном,
Где добрый, злой, и лучший, и злодей
Прияли сон — забвение страстей.
Здесь храмы и дворцы и башни,
Изъеденные силой дней,
В своей недвижности всегдашней,
В нагроможденности теней,
Ничем на наши не похожи.
Кругом, где ветер не дохнёт,
В своем невозмутимом ложе,
Застыла гладь угрюмых вод.*

*Над этим городом печальным,
В ночь безысходную его,
Не вспыхнет луч на Небе дальнем.
Лишь с моря, тускло и мертво,
Вдоль башен бледный свет струится,
Меж капшц, меж дворцов змеится,
Вдоль стен, пронзивших небосклон,
Бегущих в высь, как Вавилон,
Среди изваянных беседок,
Среди растений из камней,
Среди видений бывших дней,
Совсем забытых напоследок,
Средь полных смутной мглой беседок,
Где сетью мраморной горят
Фиалки, плющ и виноград.*

*Не отражая небосвод,
Застыла гладь угрюмых вод.
И тени башен пали вниз,
И тени с башнями слились,*

Как будто вдруг, и те, и те,
Они повисли в пустоте.
Меж тем как с башни — мрачный вид! —
Смерть исполинская глядит.
Зияет сумрак смутных снов
Разверстых капищ и гробов,
С горящей, в уровень, водой;
Но блеск убранства золотой
На опочивших мертвецах,
И бриллианты, что звездой
Горят у идолов в глазах,
Не могут выманить волны
Из этой водной тишины.

Хотя бы только зыбь прошла
По гладкой плоскости стекла,
Хотя бы ветер чуть дохнул
И дрожью влагу шевельнул.
Но нет намека, что вдали,
Там где-то дышат корабли,
Намека нет на зыбь морей,
Не страшных ясностью своей.
Но чу! Возникла дрожь в волне!
Пронесся ропот в вышине!
Как будто башни, вдруг осев,
Разъяли в море сонный зев, —
Как будто их верхи, впотьмах,
Пробел родили в Небесах.
Краснее зыбь морских валов,
Слабей дыхание Часов.
И в час, когда, стенья в волне,
Сойдет тот город к глубине,
Привав его в свою тюрьму,
Восстанет Ад, качая тьму,
И весь поклонится ему.

Эдгар Аллан По «Город в море»¹

¹ Перевод К. Бальмонта. — Здесь и далее прим. переводчика.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

0, не скорби!

*В Стране фэйри
смертные не чувствуют скорби...
но и радость им тоже неведома.*

Поговорка фэйри

Смерть исполинская глядит

Кровь была на помосте, на ступенях, на полу, на стенах... на обломках Меча Смерти. Потом, позже, когда Эмма вспоминала это, ей казалось, что все заволакивает альпий туман. Обрывок стихотворения вертелся у нее в голове... что-то о том, как нелегко представить, что внутри смертного так много крови.

Говорят, шок смягчает суровые удары судьбы, смягчает их, как подушкой, но что-то никакой подушки Эмма сейчас не обнаружила. Она видела и слышала абсолютно все: Зал Соглашений полон стражи... крики... Она попыталась пробиться к Джулиану — стража нахлынула на нее, словно океанская волна. Снова крики... «Эмма Карстерс сломала Меч Смерти! Она уничтожила Орудие Смерти! Схватить ее!».

Неважно, что они с ней сделают, надо срочно добраться до Джулиана. Он все еще был распростерт на земле, сжимая Ливви в объятиях, не позволяя страже забрать мертвое тело.

— Пустите меня к нему! — крикнула она. — Я его парабатай, пустите!

— Отдай меч, — это был голос Консула. — Отдай мне Кортану, Эмма, и тебя пропустят. Ты сможешь ему помочь.

Эмма вскрикнула, почувствовала на губах вкус крови. Алек взбежал на помост, опустил колени рядом с телом отца. В Зале было не видно пола — все металось из стороны в сторону. Вон Марк, уносит лишившегося чувств Тая, плечом расталкивая нефилимов. Таким мрачным Эмма его еще никогда не видела. С ним Кит.. Но где же

Дрю? А, вон она... одна, сидит на полу. Нет, с ней Диана — обнимает ее и плачет. Хелен пробивается к помосту...

Эмма не глядя шагнула назад и едва не упала, пол был скользким от крови. Консул Джиа Пенхаллоу, все еще стояла перед ней и протягивала руку, ожидая, когда Эмма отдаст ей Кортану. Меч был частью семьи Эммы, частью ее самой; она помнила его столько же, сколько себя. Помнила, как Джулиан вложил клинок ей в руки, когда умерли родители... как она обняла меч, прижала к себе, будто ребенка, не обращая внимания, что лезвие оставило на ее руке глубокий порез.

А сейчас Джиа просит ее отдать часть себя.

За ее спиной она увидела Джулиана — одного, раздавленного горем, покрытого кровью. И он был ее частью гораздо больше, чем Кортана. Эмма протянула Консулу меч. Ее тело мучительно напряглось, когда рука разжалась, отпуская рукоять. Ей казалось, что она слышала, как закричал меч, расставаясь со своим человеком.

— Теперь иди.

Эмма слышала и другие голоса, громкие, возмущенные... Например, Горация Диарборна: он требовал, чтобы Эмму остановили, арестовали, призвали к ответу за уничтожение Меча Смерти и исчезновение Аннабель Блэкторн. Джиа отдавала страже отрывистые приказы: «Вывести всех из Зала, немедленно!» Сейчас время оплакивать, а не мстить. Аннабель найдут... *Нет, Гораций. Сохраняй достоинство, иди сам, а не то тебе помогут. Нет, сейчас не подходящий момент.* Вон Алина помогает Дрю и Диане подняться, ведет их к выходу...

Эмма опустила на колени рядом с Джулианом. В Зале Соглашений стоял металлический запах крови. Ливви, будто сломанная кукла, лежала у него на руках. Ее кожа ее была синеватой. Джулиан уже не звал ее — просто укачивал, как ребенка, упираясь подбородком в ее голову.

— Джулс, — прошептала Эмма. Его имя горькой пылью осело на языке...

Так она звала его в детстве, а сейчас он взрослый, охваченный горем. Ливви была ему не просто сестрой: он растил ее как собственную дочь.

— Джулиан, — она коснулась его холодной щеки, потом щеки Ливви — та была еще холоднее. — Джулиан, милый, прошу... позволь помочь...

Он медленно поднял голову. Его словно окатили из ведра кровью: шея и грудь были красные, лицо покрыто кровавыми пятнами.

— Эмма, — его голос был едва слышен. — Эмма, я столько рун ираци начертил и все без толку...

Но Ливви уже была мертва, когда упала на помост. Мертва, когда он добежал до нее, схватил... Никакие рунны, никакие ираци уже не могли ей помочь.

— Джулс! — сквозь заслон стражи к ним пробилась Хелен и рухнула рядом на колени, не обращая внимания на кровь.

Эмма молча смотрела, как Хелен осторожно достает из тела Ливви обломок Меча Смерти и кладет на пол. Ее руки были в крови, губы побелели от отчаяния: она обняла и Джулиана, и Ливви, склонила голову, что-то ласково шепча.

Народу в Зале становилось все меньше. Вошел Магнус, очень медленный и бледный; за ним длинной веренищей шли Безмолвные Братья. Он поднялся на помост. Алек вскочил, кинулся к нему в объятия, и оба застыли. Четверо Братьев опустились на колени и подняли тело Роберта Лайтвуда: его руки были сложены на груди, глаза ему кто-то закрыл. Тихий шелест: «*Ave atque vale, Роберт Лайтвуд*», — пронесся вслед, когда тело поплыло из Зала на плечах монахов.

Консул шагнула к ним, за ее спиной выстроилась стража. Братья призраками в пергаментных одеждах парили позади.

— Тебе придется отпустить ее, Джулс, — сказала Хелен так мягко, как только могла. — Ее заберут в Безмолвный город.

Джулиан поднял на Эмму глаза, холодные, как зимнее небо, но она поняла его.

— Он хочет, чтобы последним Ливви нес он, — тихо сказала она. — Позвольте ему это.

Хелен погладила брата по волосам, поцеловала в лоб.

— Джиа, прошу тебя.

Консул кивнула.

Джулиан медленно поднялся на ноги, прижимая Ливви к груди. Будто скованный льдом, он двинулся к ступеням, спускавшимся в Зал. Хелен шла рядом, Братья замыкали процессию, но стоило Эмме подняться, как чья-то рука остановила ее.

— Только семья, Эмма, — четко проговорила Джиа.

Я и есть семья, пустите меня с ними, пустите меня к Ливви! — молча кричала Эмма, но ее губы оставались сомкнутыми. Нельзя усугублять всеобщий ужас своей скорбью. К тому же правил Безмолвного города никто не отменял. Закон суров, но *это закон*.

Маленькая процессия направилась к дверям. Когорта удалилась, но в Зале еще оставались стражники и другие Охотники. «Привет и прощай, Ливия Блэкторн», — тихо неслось вслед.

Консул отвернулась — Кортана вспыхнула у нее в руке — и стала спускаться к Алине, провожавшей Ливви потухшим взглядом. Эмму затрясло — дрожь, начавшаяся где-то глубоко внутри, охватила все тело. Никогда еще она не была настолько одинока — Джулиан уходил от нее прочь, от других Блэкторнов ее как будто отделяли миллионы миль... Они были словно далекие звезды в глубинах вселенной. Эмма отчаянно, яростно хотела, чтобы родители сейчас оказались рядом — так сильно, что это было почти унижительно. Она хотела, чтобы Джем был тут, и Кортана. Хотела забыть, как Ливви истекает кровью, умирает, падает, будто сломанная игрушка, и окно Зала Соглашений взрывается тучей осколков, и сломанная корона забирает Аннабель... Это вообще кто-нибудь кроме нее видел?

— Эмма.

Руки обвилились вокруг нее, знакомые, теплые руки подняли с пола. Кристина все это время ждала. Ждала, когда закончится весь этот хаос, упрямо оставалась в Зале, пока стража гнала всех прочь. Она сделала это, чтобы быть рядом с Эммой.

— Пойдем со мной, здесь больше нечего делать. Я о тебе позабочусь. Я знаю, куда мы можем пойти. Эмма, *corazoncita*¹, идем.

¹ Милая (исп.).

Эмма позволила Кристине поднять себя. Магнус и Алек уже спешили к ним. Лицо Алека будто заледенело, глаза были красными. Вцепившись мертвой хваткой в руку Кристины, Эмма озиралась — теперь Зал казался ей совершенно другим, не тем, куда они прибыли всего несколько часов назад. «Наверное, солнце было тогда высоко...» — подумала она, словно сквозь вату слыша голоса. Магнус и Алек уговаривали Кристину отвести Эмму в дом, предоставленный Блэкторнам. Да, наверное, все дело в солнце... Теперь стемнело и тени по углам лежали густые, как лужи краски.

А может, просто все изменилось. Может быть, дело в том, что ничего уже не будет как прежде.

— Дрю? — Хелен негромко постучала в дверь. — Дрю, можно с тобой поговорить?

По крайней мере, комната была точно ее. Дом на канале, рядом с резиденцией Консула на Принсуотер-стрит, для Блэкторнов подготовили еще до встречи в Зале Соглашений как только стало понятно, что они проведут в Идрисе несколько ночей. Диана заранее показала его Хелен, и та оценила чувствовавшееся повсюду прикосновение ее любящих рук: на кухне стояли цветы, на дверях комнат красовались карточки с именами: та, что с двумя узкими кроватями, предназначалась для близнецов, а комнату Тавви Диана сама набила книгами и игрушками, принеся их из своего дома над оружейной лавкой.

— А вот эту, может, для Дрю? — Хелен остановилась на пороге маленькой спальни с обоями в цветочек. — Такая хорошенькая.

— Ну, Дрю же совсем другая, — с сомнением возразила Диана. — Вот если бы обои были в летучих мышках... или в скелетиках на худой конец.

Хелен нахмурилась.

— Только не волнуйся, — Алина взяла ее за руку. — Ты снова с ними познакомишься. Все будет в полном порядке.

И она поцеловала Хелен в щеку.

Все действительно могло бы быть в полном порядке — думала Хелен, глядя на дверь с табличкой: «Друзилла».

Могло бы. В груди снова вспыхнула боль. Наверняка вот так чувствует себя рыба, пойманная на крючок: корчишься, пытаешься соскочить с острия боли, пронзившего твою плоть, но ничего не получается.

О, она помнила эту боль. Когда умер отец, на плаву ее удержала только необходимость заботиться о семье, присматривать за детьми. Она и сейчас пыталась пройти той же дорогой, но дети... хотя их и называть так уже неудобно. Только Тавви еще ребенок, но он сейчас в доме Инквизитора — хвала небесам, он пропустил весь кошмар в Зале Соглашений... В общем, дети с ней чувствовали себя явно не в своей тарелке. Как будто она стала им чужой.

И от этого боль становилась только сильнее. Хоть бы Алина была здесь... Но Алина на несколько часов ушла к родителям.

— Дрю, — Хелен постучала сильнее. — Пожалуйста,пусти меня.

Дверь распахнулась, и Хелен едва успела отдернуть руку, чтобы не попасть с размаху Дрю в плечо. Сестра стояла, свирепо глядя на нее, в скверно сидящем черном платье, слишком тесном ей в талии и в груди. Глаза были такие красные, что казалось, она размазала по векам багряные тени.

— Понимаю, ты наверняка хотела побыть одна, — начала Хелен, — но я должна была убедиться, что ты...

— ...в порядке? — ядовито спросила Дрю.

Смысл ее слов был вполне понятен: как я сейчас могу быть в порядке?

— ...жива.

Дрю на мгновение отвела взгляд, крепко сжатые губы задрожали. Хелен так хотелось схватить ее, прижать к себе, укачивать, как много лет назад, когда Дрю была еще упрямым младенцем.

— Как Тай?

— Спит, — ответила Хелен. — Безмолвные Братья дали ему успокоительное зелье, с ним сидит Марк. Хочешь к нему?

— Я...

Дрю замолчала. Если бы только Хелен могла сказать что-нибудь еще утешительное про Тая. Она с ужасом ду-

мала, что будет, когда мальчик проснется. В Зале Соглашений он потерял сознание, и Марк отнес его к Братьям. В зловещем молчании монахи осмотрели его и пришли к заключению, что физически ребенок совершенно здоров, но они намерены дать ему настой из трав, от которого он надолго заснет. Иногда разум сам знает, когда отключиться и как подготовиться к исцелению. Хотя каким образом ночь сна — да хоть целый год! — сможет подготовить Тая к известию о том, что у него больше нет близнеца, Хелен не понимала.

— Мне нужен Джулс, — наконец сказала Дрю. — Он здесь?

— Нет, — ответила ей сестра. — Он все еще с Ливви. В... в Безмолвном городе.

Она была бы рада сказать, что Джулиан вот-вот вернется (Алина говорила, что церемония прощания перед кремацией в Городе совсем короткая), но не хотела обещать Дрю ничего, что могло оказаться неправдой.

— А Эмма?

Дрю говорила вежливо, но было совершенно ясно: я хочу видеть тех, кого я знаю. *Не тебя.*

— Я поищу ее.

Не успела Хелен сделать и шага, как дверь за ее спиной захлопнулась с негромким, но недвусмысленным щелчком. Хелен сморгнула и увидела в коридоре, всего в нескольких футах от себя, Марка. Он появился беззвучно, она ничего не слышала. В руке у него был скомканный листок бумаги, похожий на огненное послание...

— Хелен...

Какой хриплый у него голос. Проведя столько лет с Дикой Охотой, продолжает ли он еще горевать, как горюют фэйри? Он выглядел помятым, усталым: под глазами и у рта пролегли морщины, как у простых смертных.

— Тай не один, с ним Диана и Кит. К тому же он спит. Мне нужно поговорить с тобой.

— Я должна найти Эмму. Она нужна Дрю.

— Ее комната вон там, — Марк указал в дальний конец коридора. — Мы приведем ее, а потом нам нужно будет уйти.

Весь дом был отделан деревянными панелями медового цвета; в свете магических ламп они казались особенно